

51. БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Вход в Брестскую крепость представляет собой изломанную звездную дыру в бетонной глыбе. Гигант протолкнул перед собой пятиконечную звезду. Он ломился лбом, на голове была фуражка со звездой, а звезда была красной, советской. Пока вы шагаете сквозь пролом, Левитан объявляет о нападении фашистов на СССР, из бетона гремит: "Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!"

Невозможно не похолодеть душой, не посуроветь сердцем и лицом. Входящие в крепость-мемориал мужчины, женщины, дети по красному асфальту шагают в ритме священной войны. Если бы в этот миг дитя глянуло в мамины глаза, оно закричало бы от испуга. Слава Богу, внимание детей отвлекает тридцатипятиметровый лик того гиганта, что проломил вам путь. Он без фуражки и звезды. Он — барельефный отросток скалы, суровый взгляд его направлен внутрь себя.

Воин свое свершил. Рядом стоит его стометровый штык-обелиск из титана. Штык обезображен рыжими потеками, наводящими вас на мысль, что он когда-то проржавеет, рухнет. Не о том ли дума воина-гиганта, перед взором которого невечный штык? Если бы ему удалось повернуть голову, он посветлел бы ликом. Он увидел бы небесное свечение, уже привлекавшее внимание современников. Они поглядывали туда, когда из уважения пытались уловить взгляд воина, когда букашками лепились у штыка. Они почувствовали облегчение в душе, когда экскурсионное дитя, до донышка искреннее, настойчиво потянуло маму туда, где сияло небо. Там золотился купол Николаевской церкви, освящая Брестскую крепость новым светом и новым смыслом.

Моя деревня Горск стоит при шоссе Брест-Москва. До Бреста 85 километров, до Москвы — 970. Летом солнце всходит прямо над дорогой, указывая прямой путь на восток. 23 июня 1941 года, на второй день войны, по шоссе прошли первые мотоколонны гитлеровцев. Вслед за ними по придоржным лесам бежали отступающие красноармейцы, некоторые были в кальсонах. Группка завернула в Горск. Солдатики попросили еды. Сообщили, что они из Брестской крепости. Подкрепившись, направились к дороге. Над ней низко летел немецкий самолет, строчил из пулемета. При шоссе солдатики и полегли навечно, пробежав из крепости на восток 85 километров. Где упали, там их мои земляки похоронили. После войны останки перенесли в братскую могилу в деревне Подкрайчи.

Брестская крепость до 1954 года ассоциировалась у односельчан и, следовательно, у моего послевоенного поколения, с красноармейцами в

кальсонах. Я помню, как полдеревни собиралось в нашей хате, чтобы по батарейному радиоприемнику "Партизан" послушать рассказы писателя Смирнова о защите Брестской крепости. Десять лет народ не знал, что не все солдаты бежали из крепости. Незвестная правда ошеломила стар и млад. Школьники рвались в крепость на экскурсию. Поездка на автобусе всем классом стоила каждому один рубль. Родители мялись, так как один рубль занимал солидную часть семейного бюджета. Мой класс прорвался в крепость в начале шестидесятых.

В крепости работал музей (открыт в 1956-ом), мы пробежали его, устремились на развалины. Заглядывали в подвалы и дыры, если они не были закрыты решетками, досками, свежей кладкой. Высшей точкой нам показались руины здания с пустыми глазницами стрельчатых окон, расположенных в три ряда. Высоко, а забраться легко. Здание потонуло в куче обломков, по ним удобно карабкаться. Крыша зияла черными провалами, на их берегу зеленели березки. Маленькая табличка извещала, что в разрушенном здании до войны размещался клуб 84 полка. Ни слова, что это Николаевская церковь.

6 июня 1833 года на западе Российской империи, в городе Брест-Литовск, начались грандиозные земляные работы с целью возведения крупнейшей крепости. Древний город перенесли на три километра на восток, многовековой культурный слой изрыли каналами и котлованами. Через три года был заложен первый камень в оборонительные сооружения. 26 апреля 1842 года Брестская крепость встала на боевую службу как крепость первого класса.

Центральное укрепление (Цитадель) располагалось на острове, было окружено водой, валом, замкнутой пятиугольной оборонительной двухэтажной казармой. Ее длина 1,8 километра, в ней оборудовали 500 подземных казематов, способных разместить 12 тысяч солдат с запасом оружия, боеприпасов, продовольствия. Наружние двухметровые стены казармы оборудовали амбразурами, позволяющими стрелять по врагу из ружей и пушек. Из окон казармы, выходящих внутрь Цитадели, виднелись три золотистых полушара гарнизонного Свято-Николаевского собора, возведенного в 1856-1879 годах. Массивный храм поставили на самом высоком месте, в центре Цитадели. Он доминировал над прочими сооружениями, композиционно связывал их.

К первой мировой войне крепость капитально реконструировали. Однако сдали немцам без боя. Так решило Верховное командование русской армии. С 15 августа 1915 года до конца войны в Брестской крепости дислоцировались германские части.

В 1921 году, по Рижскому договору, Западную Белоруссию заняла Польша. Разместив в Брестской крепости свое войско, поляки переделали церковь в костел. Вскоре после начала второй мировой войны, 17 сентября 1939 года, гитлеровцы четырехдневным штурмом отбили крепость у поляков. 22 сентября победители мирно пропустили в крепость части Красной армии.

Гитлер и Сталин тайно поделили мир. Германские и советские войска провели в Брестской крепости совместный парад и разошлись по европейской линии, начерченной секретным протоколом двух великих фашистов 20 века. Заселив крепость, сталинисты переоборудовали костел в клуб. Устроили сцену, кинобудку, зал для танцев и собраний, комнаты для кружков и художественной самодеятельности. Стены обвешали кумачовыми лозунгами, выдержками из речей Вождя и Устава, фотографиями отличников боевой и политической подготовки. Изгнали Божий дух. Выбросили на свалку истории религиозный "опиум".

В 1941-ом, в первый же день войны 22 июня, к 9 часам утра, фашисты окружили крепость, штурмовые отряды прорвались в Цитадель, захватили здание клуба. Профессионалы действовали со знанием дела и местности, в высшей точке крепости, в клубе, расположились вражеские корректировщики, наводили артиллерию и авиацию точно на цели. Из окон клуба фашистские пулеметы непрерывно обстреливали тыльную сторону казармы, разобщая оборонцев.

С боем наши очистили клуб на второй день. Но враг вновь завладел выгодным объектом. Клуб стал одним из центров разрозненной обороны, не раз переходил из рук в руки. Над ним пикировали самолеты, сбрасывая тяжелые бомбы. По нему били снаряды. Подступы к зданию были завалены трупами захватчиков и защитников, которые недавно проводили здесь совместный парад. В Бресте, на крышах зданий, сидели немецкие офицеры, наводили бинокли на высшую отметку крепости, на клуб. Ожидали, что над ним появится белый флаг. Не дождались. Пора послушать рассказ Сергея Смирнова:

"В этом клубе, на площадке, где находилась будка киномеханика, на штукатурке была выцарапана надпись: "Нас было трое москвичей — Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву: умрем, но не уйдем отсюда. Июль. 1941."

После войны в крепости обнаружено несколько прощальных надписей-свидетельств о героизме защитников, а приведенная — невероятна. Трое красноармейцев сообщили потомкам, что обороняли ЦЕРКОВЬ. Не клуб, но церковь. Вот что невероятно. Превращая церкви в склады, в клубы, в конюшни, в ничто, большевики не ставили рядом с убиенными храмами

памятных табличек. С Николаевской церкви убрали купола, уничтожили звонницу, перепланировали внутренние помещения, очистили потолок от религиозных сюжетов. Ничто не говорило коммунистам и комсомольцам, что они находятся в Николаевской церкви.

Довоенный гарнизон не имел здания "церковь", не произносил слова "церковь", не знал понятия "церковь". Командование игнорировало прочный тактико-оборонительный объект "церковь". В клубе не было создано боевых мест, отсутствовали боеприпасы. Командиры и политруки готовились только наступать, а не обороняться.

Бой за клуб как за военный объект навязал противник. Трое москвичей жизнями расплатились за непрофессионализм командиров, вызубривших шапкозакидательскую тактику и богохульную стратегию. В свои последние минуты красноармейцы-атеисты вспомнили, что ЗАЩИЩАЮТ ЦЕРКОВЬ. Почувствовали необходимость умереть в церкви, но не в клубе. Надеялись, что храм как обитель души перенесет их в вечность. Мы не знаем, что они говорили друг другу. Но ЦЕРКОВЬ в их разговор пришла наверняка. ЦЕРКОВЬ послана нам как духовный пароль. К сожалению, полвека мы не могли вспомнить отзыв.

25 сентября 1971 года открыт мемориальный комплекс "Брестская крепость-Герой". Оглушенный в звездном проломе хоровой песней "пусть ярость благородная вскипает, как волна, идет война народная, священная война", посетитель в поисках душевного равновесия поднимал очи к небу и видел воинственный штык. Мемориал исполнял порученную ему роль: эмоционально возвращал современника в недавнее прошлое, поднимал боевой дух, отвлекал от проблем, каковые наваливались все тяжелее и выше. Выше помпезного штыка.

Я облазил крепость мальчишкой, обследовал мужем. Чуток отойдешь от холодного штыка, окунешься в жизнь. Течет зеленоватый Западный Буг. В плакучих ивах поют птицы. Перевариваются в гумус листья и кирпичи. Колючая проволока делит землю на прямоугольники. За проволокой цветет картошка. Женщина ковыряется на грядке.

На огородах Брестской крепости идет народная война за выживание. Победители перековали штыки на тяпки. Стоявшие против кровавого фашизма продолжают стоять против голодного социализма. Рядом с ними встали дети, внуки, правнуки. Униженные и оскорбленные, они теряют душевные силы. На крепостной грядке догорают народные надежды на достойную жизнь.

Чтобы зажечь народ, его ведут на площадь Церемониалов, ставят под штык. Здесь президент, озабоченный социализмом, напоминает, что мы когда-то победили. Убеждает, что победим и впредь. Призывает гордых славян сплотиться против звериного запада. Угрожает наглому НАТО, которому никогда не взять героической крепости, показавшей стойкость советского общества. Здесь белорусские и российские депутаты восстановили гимн СССР и готовы вновь опустить железный занавес, поделить Европу и мир. В Бресте политики "союзного государства" подпитывают милитаристское либидо, ибо в политических арсеналах всегда присутствует война. В центре Европы встает зловещий символ противостояния — Брестская крепость.

Крепость выдернули из истории и поставили на службу ненависти. Поэтому заброшенным холмом покоилась в сердце Цитадели Николаевская церковь.

Я каждый год бываю в крепости, приезжая на родину. В 1996-м не поверил своим глазам, когда увидел открытой отремонтированную дверь церкви. Я вошел. Почувствовал высоту над собой. Вместо иконостаса натянута маскировочная сеть. У нее стоял скромный столик, на нем горела свечка. Маленькое пламя шаталось. По церкви гулял сквозняк, видимо, не все дыры были заделаны.

У искореженной стены женщина продавала свечки, иконки, брошюры, крестики. Я купил свечки. По количеству родных душ, унесенных войной. Зажег от горевшей на столике. Стоял и смотрел в вечные огоньки моего рода. Вот дядя Дмитрий и Василий, мальчишками они подорвались на mine. Вот двоюродный дед Василий, погибший на фронте. Вот отец и мать, они на три года вывезены в Германию, погубили там здоровье, рано ушли от меня, не увидели нормальной жизни.

Ко мне подошла женщина, торгующая у стены. Сказала, что мало кто знает, что церковь открыта. Люди привыкли, что церкви в крепости нет. А без церкви сюда мало кто ходит. Брестская епархия решила восстановить храм. Он будет таким, как на макете.

Макет стоял в углу. Сияли три полусферических купола, центральный — высокий, широкий, боковые — поменьше. "Если засветится небо, — женщина подняла глаза на потолок, где дыры от куполов были зашиты досками, — то люди увидят и придут. А чтобы засветилось, надо пятьсот долларов. Столько стоит позолота одного купола. Сейчас батюшка ищет спонсора. А ящичек для пожертвований стоит во дворе. Видели?" Да, я положил туда, сколько мог.

Новое небо над Брестской крепостью я увидел летом 1999 года. Свежим золотом восстал центральный купол Николаевской церкви. Бегло осмотрев мемориальный комплекс, редкие туристы спешили туда, где светились небеса. Церковь, не включенная в экспозицию по идеологическим соображениям, вопреки воле авторов мемориального комплекса стала центром внимания.

Настоятель церкви отец Игорь знал, с чего начать. Внутреннего убранства и культовой утвари Бог еще не послал, собранные средства расходовались на купола. Церковный купол органично соединяется с небом, с вашим будущим, а посему гасит ненависть, которая вскипает, как волна, в звездном проломе.

Увы, от милосердного света навечно отвернулся воин-гигант, похожий и на Иванова, и на Степанчикова, и на Жунтяева. Его заставили мертвого. Нарушили его последнюю волю. Воскреснув скалой, он не посмел бы возвыситься над храмом, который оборонял. Он не простил бы политическим приватизаторам Победы, которые даже не включили Николаевскую церковь в многотомный "Свод памятников истории и культуры Беларуси", определив ей разрушение, забвение, пыль.

С восстановлением Николаевской церкви должна закончиться Великая Отечественная война. В Брестской крепости она началась, здесь ей и конец. Брестская крепость продемонстрировала не крепость общественного строя, а крепость души. Более надежного защитника души, нежели храм, человек не нашел и не найдет, ибо невозможно.

Пусть в звездном проломе звучит церковный звон. Пусть ярость благородная не передается от мамы к ребенку. Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам, и пусть воину-гиганту играет на гармошке добрый Западно-Бугский крокодил.

2001